

Б.С. КОТОВ

“ГЕРМАНИЯ ИЛИ ПРУССИЯ?”. ЦАБЕРНСКИЙ ИНЦИДЕНТ 1913 года В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ ПРЕССЫ

В конце 1913 – начале 1914 г. русские газеты и журналы уделяли большое внимание обсуждению причин и последствий происшествия в эльзасском Цаберне. В первых числах ноября 1913 г. в этом небольшом городке началось столкновение между его жителями и военными властями, выявившее острое недовольство населения Эльзаса, присоединенного к Германской империи в 1871 г., политикой насильственного “опруссачивания” и продемонстрировавшее, “что внутреннее умиротворение этой земли и ее настоящая инкорпорация в состав Германского рейха еще не достигнуты”¹. После аннексии Эльзаса и Лотарингии власти Пруссии установили там жесткий военный режим. В Берлине эти территории рассматривались не как освобожденные от французского правления немецкие земли, а, скорее, как военный трофей, удерживаемый силой. Лишь в 1911 г. был сделан важный шаг на пути отмены получрезвычайного управления Эльзас-Лотарингией – утверждена конституция этой земли, предусматривавшая создание местного законодательного органа – ландтага.

Признав по Франкфуртскому миру потерю Эльзаса и Лотарингии, многие представители французского правящего класса, так же как и широкие слои французской общественности, психологически не смирились с этим фактом, что создало очаг постоянной напряженности в германо-французских отношениях. «Война, объединившая Германию, надолго оставила после себя разрушительный след в отношениях с Францией, испортив их настолько, что стали возможны разговоры о “вечной, исконной вражде”», – писал о последствиях аннексии Эльзаса и Лотарингии исследователь германского национализма О. Данн².

Вспыхнувшая на этом фоне “цабернская история” моментально радикализовала общественные настроения во Франции. Поводом к инциденту послужило оскорбление офицерами расквартированного в Цаберне 99-го прусского пехотного полка лейтенантом бароном Г. Форстнером и полковником А. Рейтером эльзасских рекрутов. Жители Цаберна и других эльзасских городов, возмущенные репрессиями военных властей, вышли на демонстрации протеста. Против действий военных в январе 1914 г. выступил ландтаг Эльзас-Лотарингии. Наместник этой имперской земли граф К. Ведель потребовал от Берлина объяснений по поводу поведения прусских военных.

Это, на первый взгляд, незначительное происшествие вызвало большой общественный резонанс в Германии, прежде всего, из-за поведения во время цабернского конфликта правительства и императорского двора. Рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег, несмотря на явное самоуправство прусских военнослужащих в одной из областей империи, фактически одобрил их действия, заявив в стенах германско-

Котов Борис Сергеевич – аспирант Института всеобщей истории РАН.

¹ *Vietsch E.* Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969, S. 166.

² *Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003, с. 155.

го парламента (рейхстага), что хотя офицеры и “вышли за рамки закона”, но, тем не менее “к военному мундиру следует относиться с почтением при любых обстоятельствах”³.

Наследник германского престола кронпринц Вильгельм направил командующему цабернским гарнизоном полковнику Рейтеру, одному из виновников скандала, поздравительную телеграмму. В ней содержался призыв маршала Блюхера “Всегда твердо вперед!” – будто речь шла о борьбе с армией неприятеля, а не с безоружным гражданским населением собственной страны. Император Вильгельм II демонстративно наградил Рейтера орденом Красного орла третьей степени. Такое открытое одобрение “диктатуры сабли и штыка” со стороны правящей династии вызвало бурное негодование в немецком обществе: массовые митинги протеста, организованные социал-демократическими организациями и католическими профсоюзами, в декабре 1913 г. охватили многие промышленные центры Германии.

Рейхстаг, в котором большинство после январских выборов 1912 г. принадлежало социал-демократам, 4 декабря 1913 г. 293 голосами депутатов разных партий против 54 голосов консерваторов вынес порицание рейхсканцлеру за покровительство произволу военных. Такое единодушное выступление рейхстага против политики канцлера не имело аналогов в истории германского парламентаризма и стало, как отмечает немецкий историк Г.У. Велер, “проверкой на прочность для тех политических групп, которые настаивали на создании правительства, ответственного перед парламентом, и демократизации прусской политической системы”⁴. Тем не менее, правительство Бетман-Гольвега, заручившись поддержкой кайзера, проигнорировало вотум недоверия и отказалось уходить в отставку.

Развязка цабернского конфликта произошла в начале января 1914 г., когда не в меру воинственный лейтенант Форстнер, приговоренный незадолго до этого стразбургским военным судом к тюремному заключению за превышение полномочий и использование оружия против гражданского населения, был полностью оправдан вышестоящей апелляционной инстанцией⁵.

Цабернский кризис стал предметом активного обсуждения как внутри Германии, так и за ее пределами; вызывающее поведение германского офицерского корпуса было осуждено общественностью многих стран.

Русские газеты и журналы тоже живо откликнулись на Цабернский скандал, который стал поводом к обсуждению на страницах периодических изданий политической ситуации в Германии и всего государственного строя этой страны, сложившегося в результате объединения немецких государств под эгидой Пруссии. События в Цаберне не случайно привлекли столь пристальное внимание русской прессы. Они косвенно затрагивали российские интересы на международной арене и кроме того давали повод разным общественным силам России высказать свою точку зрения по ряду вопросов внутренней политики романовской империи.

Обострение положения в Эльзасе, остававшегося яблоком раздора между Берлином и Парижем, могло привести к ухудшению двусторонних франко-германских отношений. Учитывая, что Россия была тесно связана с Францией узлами военного и политического союза, эльзасский кризис мог отразиться и на отношениях между Россией и Германией. Цабернские события разворачивались как раз в те месяцы, когда империи Романовых и Гогенцоллернов находились на грани разрыва из-за конфликта вокруг германской военной миссии генерала О. Лимана фон Сандерса в Турции. Эта миссия

³ Dokumente der deutschen Politik und Geschichte. Bd 2. Das Zeitalter Wilhelms II. 1890–1918. Berlin, [1951], S. 275.

⁴ Wehler H.U. Krisenherde des Kaiserreiches. 1871–1918. Göttingen, 1979, S. 88.

⁵ Stenkewitz K. Gegen Bajonett und Dividende. Die politische Krise in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Berlin, 1960; *idem*. Immer feste druff! Zabernaffäre 1913. Berlin, 1962; Schoenbaum D. Zabern 1913: Consensus politics in Imperial Germany. London, 1982; Kaulisch B. “...ein Glück, wenn jetzt Blut fließt”: Die Zabernaffäre 1913. – Bilder aus der Kaiserzeit: Historische Streiflichter 1897 bis 1917. Leipzig, 1985.

по реорганизации разгромленной болгарскими, сербами, греками и черногорцами в ходе Балканской войны турецкой армии была воспринята в России как фактический захват немцами Проливов и Константинополя, вызвав ожесточенные нападки в русской прессе на ближневосточную политику Берлина. Конфликт в Эльзасе еще более накалял и без того взрывоопасную международную обстановку.

Цабернский инцидент высветил определенное сходство положения дел на национальных окраинах Германии и национальных окраинах России. Анализ политики Берлина в отношении национальных меньшинств (франкоязычного населения Эльзаса и Лотарингии, датчан, поляков) подталкивал русское общество к размышлению над проблемами собственных национальных окраин, в первую очередь Польши и Финляндии.

Поэтому эльзасские события вызвали в русской прессе оживленную дискуссию. В ней зримо присутствовала идеологическая составляющая: к 1913 г. в России сложилась система партийной прессы, в зеркале которой Цабернский инцидент обрел многомерность. Засилье прусского юнкерства в армии и в аппарате государственного управления Германской империей; отсутствие реального парламентаризма при одновременном росте демократических настроений в германском обществе; проблема Эльзас-Лотарингии; перспективы развития франко-германских отношений – об этом писали ведущие русские газеты и журналы.

По мнению русской прессы, происшествие в провинциальном городке на севере Эльзаса в одно мгновение высветило основные проблемы политической и социальной жизни империи Гогенцоллернов. “Из нескольких бранных слов, сказанных в стенах казармы, постепенно развернулся серьезнейший из политических конфликтов, какие переживала Германия”, – писала газета “Русские ведомости”⁶.

Рост консервативных тенденций в политике германского правящего класса и усиление милитаристских настроений среди руководителей рейха после событий в Цаберне стали предметом широкого обсуждения на страницах русских изданий левой и либеральной ориентации. В иностранном обозрении “Вестника Европы” – старейшего либерального журнала России, издававшегося в то время видным ученым и общественным деятелем М.М. Ковалевским, отмечалось, что в Германии военное сословие находится в более привилегированном положении, чем в других странах Европы, “и господство милитаризма является там основой всего политического строя”⁷. Главным результатом Цаберна “Вестник Европы” считал проявление скрытого дотолеманского антагонизма между Пруссией, самым большим государством Германской империи по территории и населению, и другими ее членами – Баварией, Саксонией, Баденом и т.д. Журнал отмечал все более четко проявляющуюся тенденцию к акцентированию различными немецкими землями своей обособленности и индивидуальности, особенно в Баварии и Пруссии. “Воодушевлявшая немцев в прежние годы идея германского единства официально отодвигается как-то на задний план”. Военный министр Баварии публично отрестился от самоуправства в Эльзасе своих прусских коллег⁸.

Значение баварской фронды было тем большим, что Баварию никак нельзя было считать оплотом немецкого либерализма. Напротив, в этой стране традиционно были сильны позиции Католической партии центра, к которой благоволил и фактический правитель Баварии с 1886 г. принц-регент Луитпольд. Однако, как отмечалось на страницах российских газет, существовало важное отличие Католической партии центра от Консервативной и Имперской партий, которые представляли интересы прежде всего прусских юнкеров.

Журналист В. Майский в статье “Властители современной Германии”, опубликованной в левом неонародническом журнале “Русское богатство”, отмечал, что в то время как Католическая партия центра является действительно массовой, пользующейся

⁶ Русские ведомости, 31.XII.1913.

⁷ Вестник Европы, 1914, январь, с. 428.

⁸ Там же, 1914, февраль, с. 420.

широким влиянием в основном в католических, южных и рейнских районах Германии, авторитет консерваторов базируется не на широкой народной поддержке, а на их доминирующем положении в придворных сферах и в правительственной бюрократии. «Консерваторы – это партия аристократической олигархии *par excellence*⁹, для которых “народ” не больше, как подъяремное быдло, подлежащее укрощению при помощи “ежовых рукавиц”»¹⁰. По мнению автора “Русского богатства”, главная особенность прусского юнкерства – это эгоизм и невнимание к интересам других групп населения. “Нет в Германии ни одной партии, которая в борьбе за интересы представляемого ею общественного слоя обнаруживала бы такую жестокую последовательность и такое вызывающе-циническое пренебрежение ко всему решительно на свете, какие обнаруживают немецкие консерваторы”¹¹. Вся экономическая политика этой партии сводится к защите высоких пошлин на иностранный хлеб, так как заграничная сельскохозяйственная продукция представляет собой опасного конкурента на внутреннем германском рынке для остальбских лагифундий, контролируемых юнкерами. Все негативные явления во внутренней и внешней политике Германии Майский сводит к засилью консервативного юнкерства, “этой жадной, невежественной и злобно реакционной клики 25 000 прусских помещиков”, которая “грубо издевается над культурой и социальным развитием великой 65-миллионной нации!”¹².

Газета “Речь”, являвшаяся рупором партии конституционных демократов, обращала внимание на пропасть между мировоззрением высших военных кругов и правосознанием остальных немцев. «Трудно вообразить себе более яркую и выпуклую картину безнадежного “расхождения” всего того, что мыслит в современной Германии “по-пруски” и “по-военному”, и всех тех, кто еще сохранил в ней сентиментальную верность “истинно германскому” идеалу на праве основанного общественного порядка»¹³. По мнению газеты, Цаберн продемонстрировал кризисное состояние государственной структуры Германской империи. Если раньше “в Германии все издавна привыкли видеть не складное, быть может, но крепко сколоченное государственное здание со своеобразным, но целостным порядком, со строгою, но для всех равно обязательной дисциплиной”, то поведение представителей правительства и высшего армейского командования во время цабернского инцидента стало свидетельством того, что “это здание начинает вдруг колебаться и давать трещины, и вместо порядка и дисциплины в нем обнаруживается царство хаоса и распушенности”¹⁴.

“Речь” сообщала своим читателям, что рост антипруссских настроений в западных и южных регионах Германии вызывает обратную реакцию в Пруссии – самом большом государстве Германской империи: там основан “Союз пруссаков”, первый съезд которого состоялся 18 января 1914 г. На нем главной целью союза было провозглашено усиление прусского влияния в Германии. Члены этой новорожденной организации “поносят непечатными словами” парламент и превозносят вождей армии, в частности военного министра Э. Фалькенхайна, не побоявшегося поставить армию выше закона во время разбирательства цабернского дела. Хотя этих “завзятых реакционеров” и не много, но проблема Германии заключается, по мнению кадетов, в том, что влияние прусского юнкерства на политическую жизнь Германии огромно.

Аналогичные оценки можно было встретить на страницах авторитетной либеральной газеты “Русские ведомости”, которая была близка к кадетам и издавалась бывшим ректором Московского университета, членом ЦК партии кадетов А.А. Мануйловым. По мнению “Русских ведомостей”, главным следствием результатов судебного разбирательства дела лейтенанта Форстнера стала “решительная победа юнкерских идей,

⁹ По преимуществу (*франц.*).

¹⁰ Русское богатство, 1914, апрель, с. 216.

¹¹ Там же, с. 223.

¹² Там же, с. 230.

¹³ Речь, 8.I.1914.

¹⁴ Там же.

юнкерского понимания права”¹⁵. Берлинский корреспондент “Русских ведомостей” Г. Гроссман в заголовке статьи охарактеризовал внутривосточное положение Германии после Цаберна: “В полосе реакции”. По словам Гроссмана, в последние месяцы кажется, будто возрождается старая неприязнь прусских консерваторов к идее единой Германии, в которой может потерять свою независимость и индивидуальность Пруссия.

Усиление демократических тенденций в Германской империи, что показали выборы в рейхстаг 1912 г., укрепление парламентаризма (в 1909 г. рейхсканцлер впервые в немецкой истории ушел в отставку после поражения в парламенте) вызывают у “истинных пруссаков” чувство разочарования и опасения за свою будущность. Они не могут смириться с вмешательством общеимперских институтов власти, прежде всего, рейхстага, в дела Пруссии. Империя для них – машина для вотирования все увеличивающихся расходов на армию и флот, “но, Боже упаси, если она вздумает стать самостоятельным государством и принизить Пруссию до имперской провинции! Имперское законодательство должно творить законы по образу и подобию Пруссии, которая желает управляться совершенно автономно”¹⁶.

Газета партии прогрессистов “Утро России”, издававшаяся на средства крупных капиталистов и отражавшая интересы наиболее влиятельных кругов российской буржуазии, считала, что в результате цабернского инцидента, точнее реакции, которую он вызвал в правительстве, армейских и придворных сферах, немецкое общество раскололась на две части. Взамен старой линии по реке Майн, по которой в свое время пролегла граница между Северогерманским союзом и южнонемецкими государствами – Баварией, Баденом, Вюртембергом, по всей Германии проходит теперь другая разграничительная линия, не имеющая географического выражения, и, тем не менее, “разделяющая страну на две совершенно различные Германии”¹⁷. С одной стороны – Германия законности, порядка, науки и искусств, “с ее, пожалуй, устаревшими и отдающими некоторой сентиментальностью идеалами гуманности”. С другой стороны – прусский юнкер, высокомерный и грубый, думающий только о своей экономической выгоде, презрительно относящийся к “идеализму”, то есть к философии, искусству и всему, что поднимается над материальными потребностями сегодняшнего дня, «упорно отстаивающий свое право на порабощение бюргерской и рабочей “канальи” и делающий вид, что он глубоко верит в необходимость серьезного “кровопускания” этой канальи»¹⁸.

“Утро России” выражало уверенность в том, что Цаберн – это только пролог глубокого внутреннего кризиса Германии. Германское единство, торжественно провозглашенное в Зеркальном зале Версальского дворца 18 января 1871 г., спустя сорок три года “трещит в своем основании”. Цабернские события поставили перед немецким народом дилемму: “Германия или Пруссия? Конституционный строй, стремящийся к естественному своему развитию, или просвещенный абсолютизм в духе прусских юнкеров? Вот лозунг назревающей борьбы”¹⁹.

Газета прогрессистов высказывала опасение, что немецкий пример консолидации консервативных сил окажет влияние и на внутреннюю политику России. Торжество реакции за Неманом может окончательно укрепить реакционные настроения русского правительства, чего опасались многие представители русской буржуазии и либерально настроенной интеллигенции после отставки В.Н. Коковцова с поста председателя Совета министров и замены его И.Л. Горемыкиным в январе 1914 г.

Крайне правые круги России, напротив, стремились выставить действия военного министерства и императора Вильгельма II во время разбирательства дела лейтенанта

¹⁵ Русские ведомости, 9.I.1914.

¹⁶ Там же, 1.III.1914.

¹⁷ Утро России, 10.I.1914.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Форстнера и полковника Рейтера в качестве образцов для подражания. В издаваемой А.И. Дубровиным газете Союза русского народа “Русское знамя” сила Германии объяснялась ее здоровым консерватизмом и приверженностью монархическому принципу государственного управления. Хотя многие левые доктрины были разработаны на немецкой земле, но сами немцы “строго различают теорию от практики”²⁰. Они не стремятся превратить свою страну в лабораторию для испытания тех или иных академических теорий. Немцы “уважают законный только порядок реформ”. Все попытки социалистов и анархистов дестабилизировать положение находят слабый отклик среди широких масс и сразу встречают самое решительное противодействие властей. Особенностью немецкого национального характера, по наблюдению авторов “Русского знамени”, является монархизм и связанный с ним патриотизм: “Даже социалисты из германских рабочих являются самыми пылкими патриотами, а понятие патриотизма нераздельно у немцев с уважением к монарху”²¹.

В то же время в самой Германии против прусского метода решения конфликтов между военными и гражданскими лицами начали выступать наиболее независимые и ответственные представители правящего бюрократического аппарата. Наместник Эльзас-Лотарингии граф Ведель и глава министерства этих имперских областей статс-секретарь Цорн-фон-Булах потребовали от берлинского правительства объяснений по поводу странного разрешения прогремевшего на всю страну цабернского скандала.

В связи с этим “Утро России” отмечало, что раньше никто из представителей высшей бюрократии Германской империи не позволял себе требовать отчетов по тем или иным вопросам от рейхсканцлера, а на самом деле от императора, единолично назначающего главу правительства. Не исключалось, что «Вильгельм II вместо требуемых объяснений отправит в Страсбург нового наместника-диктатора, который “по-пруски” расправится с эльзасской “крамолой”»²². Однако, по мнению газеты, такие действия императора вызовут еще большее раздражение в широких кругах немецкой общечественности.

Назначение “наместника-диктатора” действительно состоялось вскоре после завершения цабернского конфликта: в мае 1914 г. во главе имперской земли Эльзас-Лотарингия был поставлен бывший министр внутренних дел Пруссии И. фон Дальвиц – типичный представитель прусского мировоззрения и прусской политики²³.

Большинство российских газет расценило это назначение как торжество германской военщины в цабернском конфликте. “Она одержала победу над слабовольным рейхстагом и окончательно подчинила себе ту фиктивную силу, каковой является гражданская власть в Эльзасе”, – писал берлинский корреспондент “Русского слова” И. Троцкий²⁴.

В связи с эльзасским конфликтом многие российские газеты и журналы указывали на ограниченность функций германского парламента, его неспособность влиять на формирование правительства, что особенно ярко проявилось после вынесения рейхстагом вотума недоверия кабинету Бетман-Гольвега в декабре 1913 г.

“Русские ведомости” писали, что порицание, вынесенное канцлеру подавляющим большинством политических партий рейхстага, в условиях Германской империи не может иметь того политического значения, какое оно приобрело бы в стране с действительным парламентским строем и реальной ответственностью правительства перед парламентом.

Тем не менее “Русские ведомости” и другие либеральные газеты отмечали большое моральное значение голосования в рейхстаге. Корреспондент “Речи” в Берлине А. Коральник называл вынесение вотума недоверия “историческим событием”. Пра-

²⁰ Русское знамя, 13.VI.1914.

²¹ Там же.

²² Утро России, 18.I.1914.

²³ *Stenkewitz K. Gegen Bajonett und Dividende*, S. 137.

²⁴ Русское слово, 25.IV.1914.

вительства и раньше терпели поражения в рейхстаге по тем или иным вопросам. Поэтому важен не сам факт порицания политики правительства, а причина и форма этого оппозиционного выступления депутатов. По мнению журналиста, единодушные рейхстага, достигнутое при голосовании 4 декабря, когда против линии Бетман-Гольвега в цабернском конфликте выступили социал-демократы, прогрессисты, национал-либералы, национальные группы (поляки, датчане и представители Эльзас-Лотарингии) и Католическая партия центра, означает восстание всего общественного мнения Германии против “духа современного прусского режима”²⁵. С Коральником был согласен Гроссман, освещавший события немецкой жизни в “Русских ведомостях”²⁶.

“Утро России” и “Русское слово” были уверены, что за вотумом недоверия стоит не только искреннее желание депутатов обуздать прусскую военщину, но и далеко идущие политические расчеты либералов и социал-демократов, которые использовали скандал вокруг Цаберна для попытки расширить свои прерогативы, в частности добиться ответственности канцлера и министров перед парламентом. Эта попытка рассматривалась “Утром России” как явный вызов Вильгельму II²⁷.

“Русское слово” было убеждено, что подобные усилия обречены на провал: император не отправит в отставку канцлера, чтобы не создавать прецедента и “и не зародить в сердцах депутатов надежды на возможность осуществления парламентаризма”²⁸.

“Речь”, в отличие от “Русского слова”, не исключала возможности скорой отставки Т. Бетман-Гольвега, который, будучи противником левых и либеральных сил, в то же время позволял себе по некоторым важным вопросам идти против настроений и интересов ост-эльбского юнкерства и, таким образом, не пользовался надежной поддержкой ни одной из ведущих политических сил Германии²⁹.

Однако скоро стало ясно, что рейхстаг не способен довести борьбу против Бетман-Гольвега до логического конца – отставки канцлера либо собственного роспуска. Посетив Донауэшинген, поместье князя Фюрстенберга, где в это время отдыхал Вильгельм II, глава имперского и прусского правительств получил высочайшее одобрение своих действий в цабернском конфликте. Уже через несколько дней, как ни в чем не бывало, канцлер выступал перед депутатами рейхстага, представляя бюджет на 1914 г. Несмотря на резкую критику действий правительства со стороны лидеров социал-демократической фракции Ф. Шейдемана и Г. Ледебур, призвавших канцлера, потерявшего доверие народных представителей, добровольно уйти в отставку, большинство парламентских партий не стали использовать бюджет в качестве предмета торга и послушно проголосовали за предложенный канцлером законопроект. Тем самым рейхстаг продемонстрировал свое бессилие в борьбе против “режима личной власти” императора, что было с сожалением отмечено многими российскими, в первую очередь либеральными, изданиями. “Гора родила мыш”, – прокомментировала ситуацию газета “Русское слово”³⁰.

Капитуляция рейхстага после на шумевшего вотума недоверия подтолкнула русскую прессу к поиску причин быстрого отступления либерально-буржуазных партий в конфликте вокруг Цаберна. Ученый и публицист Р. Бланк, регулярно публиковавший в “Вестнике Европы” свои “Письма из Берлина”, усмотрел основную причину в кризисе немецкого либерализма, связанного с постепенным дрейфом либеральных партий, прежде всего национал-либералов, в сторону юнкерско-консервативных сил. В том, что касается вопросов усиления армии и флота, “либералы в германском рейхстаге

²⁵ Речь, 24.XI.1913.

²⁶ Русские ведомости, 26.XI.1913.

²⁷ Утро России, 28.XI.1913.

²⁸ Русское слово, 27.XI.1913.

²⁹ В январе 1914 г. в этой газете даже появились слухи о скорой отставке Бетман-Гольвега и назначении его заместителем в Эльзас вместо слишком строптивого графа Ведыля. Должность рейхсканцлера должна была якобы перейти к создателю германского военного флота адмиралу А. Тирпицу.

³⁰ Русское слово, 30.XI.1913.

вяло плетутся в фарватере правительственной политики, голосуя за вносимые в парламент военные законопроекты и в 1911, и в 1912, и в 1913 гг.”. Германская буржуазия устала быть в оппозиции и ищет примирения с властью. Именно эти настроения и привели к “капитуляции парламентаризма перед милитаризмом”³¹. Цаберн стал лакмусовой бумажкой давно начавшихся в Германии процессов сближения консерваторов, которые с конца 1870-х годов были главной опорой правительственной политики в рейхстаге, и либералов.

Основой такого сближения, отмечал Бланк, является заинтересованность немецкой буржуазии в расширении колониальной империи Германии, в захвате новых рынков сбыта, богатых сырьем регионов: «Высшие слои буржуазии теперь и экономически заинтересованы в развитии милитаризма, как оплота колониальной политики, бесконечно расширяющей поле деятельности крупного капитализма. Теперь, действительно, можно говорить о союзе капитализма с милитаризмом и тесно связанным с последним феодализмом. И, как будто, действительно, что давно утверждают марксисты, все буржуазные партии сплываются в “одну реакционную массу”»³². Этому способствует и состояние современного общественного мнения Германии, которое “в значительной степени примирилось с милитаризмом”³³. Даже “возмутительная” цабернская история только на непродолжительное время вызвала волну протеста и осуждения беззаконий прусской военщины, которая, в конце концов, “одержала в этом деле полную победу; гражданская власть вынуждена была отступить по всей линии”, – писал автор “Вестника Европы”³⁴.

Большое внимание русская пресса уделяла международным аспектам Цаберна. На страницах кадетской “Речи” высказывалась мысль, что между Парижем и Берлином не существует серьезных неразрешимых противоречий и основными причинами для возникновения в будущем войны между французами и немцами являются, якобы, “мотивы чисто сентиментального свойства... весь франко-германский спор и связанный с ним русско-германский – исключительно сентиментальный”³⁵. Так писал берлинский корреспондент этой газеты Коральник в разгар июльского кризиса 1914 г. Журналист утверждал, что экономически Эльзас-Лотарингия не нужна ни Франции, ни Германии, забывая при этом, что 74% всей железной руды Германии накануне Первой мировой войны добывалось именно в этой области. Коральник считал, что основные интересы французского капитала сосредоточены в обширных колониях, прежде всего, в Африке. Для Германии же самыми привлекательными регионами с точки зрения вложения капиталов стали в последние десятилетия Малая Азия, Месопотамия, Латинская Америка. Спор из-за небольшой территории в центре Европы заставляет две страны постоянно находиться в состоянии боеготовности, отвлекая на вооружения огромные ресурсы, вместо того, чтобы использовать их для освоения заокеанских рынков.

“Когда речь заходит о судьбе Эльзаса и Лотарингии, двух областей, в течение тысячелетия являвшихся предметом спора между двумя странами, в Париже и Берлине руководствуются иррациональными мотивами”, – писал Коральник. Для французов вопрос о принадлежности этих территорий – вопрос чести и престижа Франции как великой державы. Для Германии сохранение власти над захваченными в ходе войны 1870 г. землями – не более как “консервативная реакционная фраза”. При этом немцы могли бы решить проблему Эльзаса и Лотарингии, отравляющую их отношения с западным соседом, без ущерба для территориальной целостности и авторитета Германии. Стоит Берлину предоставить этой имперской земле, расположенной между Мозелем и Рейном, настоящую автономию, прекратить “опрусачивание” местных жителей и признать равноправие немецкого и французского языков, как спор вокруг Эльзаса и

³¹ Вестник Европы, 1914, июнь, с. 290.

³² Там же.

³³ Там же, с. 289.

³⁴ Там же.

³⁵ Речь, 17.VII.1914.

Лотарингии потеряет свою актуальность. Однако, по мнению корреспондента “Речи”, национализм и шовинизм, заразившие Европу, не дают немцам спокойно оценить все выгоды такого легкого решения проблемы: “патриотическая фраза не дает логике поднять голову. Пруссия не терпит индивидуальностей и разнообразия, все должно подчиниться прусской указке, прусскому миропониманию”³⁶.

В статье в “Вестнике Европы”, посвященной историческим судьбам Эльзаса и Лотарингии, профессор Гельсингфорского университета С.А. Корф проводил аналогию между русификацией национальных окраин в России и германизацией, осуществляемой в Эльзасе и Лотарингии. Он отмечал, что наступление на французский язык в Эльзасе не достигло почти никаких результатов. В повседневном общении большинство жителей этой имперской области продолжают пользоваться французским или местным языком патуа. Корф считал, что тяготения к Берлину нет среди эльзасцев, прежде всего потому, что пруссаки все еще воспринимают жителей покоренных провинций как “немцев второго сорта”. Они не пользуются ни гражданской свободой, ни самоуправлением. Жители Эльзаса и Лотарингии не столько стремятся вернуться под суверенитет Французской республики, сколько хотят получить широкую автономию в рамках Германской империи. При таких настроениях эльзасцев “не может иметь успеха пангерманизм, действующий лишь силой, насилием”³⁷. Единственный выход, по мнению автора “Вестника Европы”, – превратить Эльзас-Лотарингию в автономное государство в составе Германии и прекратить взирать на местных жителей как на сепаратистов и потенциальных предателей.

Такое же решение вопроса предлагало и “Русское слово”, усматривавшее причины внутриполитического кризиса империи Гогенцоллернов в незавершенности конституционных реформ в Эльзасе и Лотарингии. Беспорядки в Цаберне показали, что, несмотря на введение конституции, методы управления завоеванными в ходе войны с Наполеоном III территориями остались прежними. Конституция 1911 г., проведенная через рейхстаг канцлером Бетман-Гольвегом при поддержке либеральных и левых партий и вопреки воле консерваторов, в действительности не соблюдается, а “прусская военщина по-прежнему оказывается фактическим хозяином бывших французских провинций”³⁸.

Урегулировать эльзас-лотарингскую проблему, по мнению “Русского слова”, можно было лишь развивая конституцию 1911 г. и ликвидировав неравноправное положение этой имперской земли. “Если бы Эльзас-Лотарингией правил самостоятельный государь, а не наместник императора Германии и короля Пруссии, положение бывшей имперской провинции мало чем отличалось бы от положения Бадена или Гессена”³⁹. Однако газета подчеркивала, что такое решение возможно лишь в далеком будущем. По крайней мере, император Вильгельм II не пойдет добровольно на разрыв унии, навязанной Эльзасу и Лотарингии силой как завоеванным территориям. Да и выбор династии для этой области представляет большую сложность и является весьма деликатным делом, учитывая соперничество протестантских и католических регионов внутри германского рейха. Подводя итоги обсуждения эльзасского вопроса, “Русское слово” приходило к выводу, что “к немалому ущербу для величия и силы Германской империи Эльзасу суждено долго оставаться гнойным нарывом на могучем теле бисмарковского детища”⁴⁰.

Черносотенцы использовали результаты эльзасского конфликта для доказательства того, насколько опасно для империи предоставлять автономию национальным окраинам. Это только развращает “инородцев”, которые все время должны чувствовать на себе железную руку правительства. Цабернские события “служат хорошим показа-

³⁶ Там же.

³⁷ Вестник Европы, 1914, март, с. 304–306.

³⁸ Русское слово, 23.XI.1913.

³⁹ Там же, 28.XI.1913.

⁴⁰ Там же.

телем, как опасно давать инородческим окраинам какое бы то ни было самоуправление. Россия вступила на путь предоставления полякам самоуправления, несмотря на все признаки грядущего организованного восстания. Не будет ли Эльзас-Лотарингия хорошим для нее предостережением?” – ставила вопрос газета “Русское знамя”⁴¹, намекая на проект введения городского самоуправления в польских губерниях, внесенный правительством В.Н. Коковцова в Государственную Думу Российской империи незадолго до отставки Коковцова.

Если ведущие органы русской прессы объясняли причины цабернского дела неполноправным положением присоединенных к Германии в 1871 г. областей, ограничением компетенции органов местного самоуправления в Эльзасе и Лотарингии, то черносотенное “Русское знамя” считало, что Берлин совершил ошибку, предоставив эльзасцам конституцию и учредив в Страсбурге законодательный орган власти. Беспорядки в Цаберне явились результатом “распущенности правительственных возжей среди инородцев”, – писало “Русское знамя”⁴². Правительства Б. Бюлова и Т. Бетман-Гольвега, пойдя на ликвидацию чрезвычайного полувоенного управления в имперской земле, надеялись, что население завоеванных областей почувствует благодарность по отношению к своим покорителям. Однако, получилось все наоборот. Пока в Эльзасе существовало прямое управление из Берлина, “инородцы” вели себя смиренно и тихо, “французы клялись в своей любви и преданности немцам”. Но как только они получили автономию, пусть даже и весьма ограниченную, там сразу же началось сепаратистское движение, проявлением которого, по мнению газеты “Русское знамя”, и стал Цаберн.

Анализ восприятия русским обществом цабернского конфликта в Германии подтверждает наблюдение историка Н.А. Ерофеева, отмечавшего, что реальная жизнь другого народа зачастую служит “лишь поводом для выявления позиций” по внутриполитическим вопросам⁴³. Цабернские события анализировались русской прессой сквозь призму многих общеполитических проблем, существовавших в России. В ходе этого обсуждения различные общественные силы косвенно, но вполне отчетливо еще раз заявили о своих программных установках и идейных предпочтениях. В то же время цабернский конфликт был использован частью российской прессы и для усиления антигерманской пропаганды в преддверии августа 1914 г., когда образ “прусского милитариста” сменится в газетах и журналах на образ “немецкого врага”.

⁴¹ Русское знамя, 29.I.1914.

⁴² Там же, 13.II.1914.

⁴³ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982, с. 10.